

Тучков А. Г.

«РАНЬШЕ ОГОРодОВ СОВСЕМ НЕ БЫЛО, А СЕЙЧАС И ДВУХ ОГОРодОВ МАЛО...»¹ (К ВОПРОСУ О ВНЕДРЕНИИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ОХОТНИЧЬЕ-РЫБОЛОВЧЕСКУЮ КУЛЬТУРУ СРЕДНЕОБСКИХ СЕЛЬКУПОВ)

Анализируется проблема земледелия у среднеобских (нарымских) селькупов. Рассматривается вопрос о возможных корнях земледельческой традиции у самодийского населения региона, о длительности периода приобретения ими навыков земледелия и результатах первых опытов хлебопашества и огородничества. Анализ проблемы привел к следующим выводам. Во-первых, хлебопашество (выращивание зерновых культур) не заняло прочного места в культуре селькупов вплоть до настоящего времени. Во-вторых, огородничество, напротив, со временем укоренилось в их хозяйственной деятельности настолько, что смогло вытеснить в некоторых районах охоту и рыболовство. Таким образом, можно говорить о том, что на современном этапе этнической истории среднеобских селькупов огородничество уже является для них традиционным занятием и занимает существенную сферу их жизни.

Ключевые слова: селькупы, земледелие в Сибири, инновация, хлебопашество, огородничество, промыслы, традиционная культура.

Исследования по истории земледелия в Сибири позволяют говорить о существовании этой хозяйственной традиции у ряда сибирских народов задолго до прихода в регион русского населения (см., напр.: Миллер, 2009; Шунков, 1956; Бояршинова, 1960). Древние отдельные очаги земледелия в Сибири бытовали от Уральского хребта до Амура, включая нижнее течение Тавды, нижнее течение Томи, среднее течение Енисея в районе Красноярска, верхнее течение Лены и др. В районах Минусинской котловины и Алтая (сер. I тыс. н. э.) земледелие достигло даже своего пика развития, приняв форму поливного земледелия пашенного типа (Шунков, 1956: 34).

Вместе с тем, это важно подчеркнуть, к XVII в. в ряде районов Сибири местные земледельческие традиции пришли в упадок: разрушилось пашенное поливное земледелие в районах Минусинской котловины и Алтая, исчезло дауро-дючерское земледелие на Амуре. Пашенное дорусское земледелие сохранялось только у тобольских татар, расселенных по Тоболу, Исети, Пышме, Туре, Вагаю, Ишиму, Иртышу. В других районах Сибири до прихода русских земледелие было мотыжным и характеризовалось небольшим составом посевных культур (просо, ячмень, иногда пшеница), малыми посевами и малыми сборами урожая. Повсеместно недостаток урожая восполнялся сбором дикорастущих съедобных растений. Мотыжное земледелие, таким образом, носило вспомогательный характер, дополняя основные отрасли хозяйства – охоту, рыболовство, скотоводство (Шунков, 1956: 34–35).

Говоря о земледельческой традиции у среднеобских селькупов, необходимо осветить три вопроса. Во-первых, относились ли селькупы среднего течения Оби к народам Сибири, которые практиковали земледелие, пусть и на самом примитивном уровне? Во-вторых, практиковали ли они до XVII в., т. е. до прихода в Нарымский край русского населения, хлебопашество (иными словами, сеяли ли они именно зерновые культуры)? И, в-третьих, когда и почему селькупы стали переходить к огородничеству?

В связи с поставленными вопросами, детализируя поставленную исследовательскую задачу, можно выделить также два подвопроса. Первый касается уточнения датировки начала знакомства среднеобских селькупов с земледельческой традицией, второй – времени непосредственного обращения селькупов Нарымского края к земледелию.

Таким образом, целью данной статьи является выявление и обобщение сведений, характеризующих процесс обретения сельскохозяйственных навыков среднеобскими селькупами. Статья основана на архивных материалах, публикациях различных лет, полевых материалах. Проблематика статьи рассматривается в рамках исследования автором вопросов трансформации селькупского этноса в период конца XIX – первой половины XX века (Тучков, 2007, 2010, 2012).

Следует отметить, что исследователи обычно включают территорию Томского уезда в состав зоны, где практиковалось земледелие, но занимались им, по сведениям Г. Ф. Миллера, «магометанские татары» (Миллер, 2009: 210). Их земледелие было мотыжным и доставляло им дополнительные продукты питания к охоте и рыболовству. Однако, как отмечала З. Я. Бояршинова, коренное население,

¹ «Раньше огородов совсем не было, а сейчас и двух огородов мало...» – фраза В. А. Соиспаева, сказанная им во время обхода своего приусадебного хозяйства в пос. Нельмач (Полевые материалы Тучковой, 1992).

жившее по нижнему течению Томи и по Оби, вниз от устья Томи до устья Чулыма, и по нижнему и среднему Чулыму, может быть, и не практиковало даже мотыжного земледелия (Бояршинова, 1950: 50–51).

Фактических данных о занятии земледелием коренного населения Нарымского края, основу которого составляли остяки и остяки-самоеды (ханты и селькупы), источники не фиксируют. Остяки, вероятно, не скоро познакомились и с основным продуктом земледелия – хлебом. М. Спафарий, в свое время, говоря о нравах «остяков» Обь-Иртышского бассейна, в границы которого он включал территорию проживания нарымских и кетских селькупов, отмечал, что «соли и хлеба они не знают... А некоторые насытятся хлебом, и те помрут» (Спафарий, 1997: 255). Отсутствие у селькупов в дорусский период земледельческой практики даже в форме мотыжного земледелия признавала также и известный селькуповед Г. И. Пелих (Пелих, 1966: 94).

Таким образом, русскому населению, которое стало появляться в Сибири с конца XVI в., пришлось на новых местах, используя свои трудовые навыки, закладывать и развивать фактически новое для таежной зоны Приобья занятие – земледелие. По данным В. И. Шункова, в Сибири XVII в. северная граница русского земледелия начиналась на западе севернее Пелыма, пересекала Иртыш ниже впадения в него Тобола, проходила через Обь в районе Нарыма и поднималась на север, пересекая Енисей в месте впадения в него Подкаменной Тунгуски, выходила на верховья Нижней Тунгуски, шла вдоль Лены до Якутска и заканчивалась на р. Амга (Шунков, 1956: 247). Особенностью русского земледелия в Сибири в XVII – начале XVIII в. было использование под пашни еланей – ровных безлесных незаболоченных мест.

В XVII в. общий список сельскохозяйственных культур, перенесенных русскими в Сибирь, фактически полностью совпадал с такими же списками из северной и центральной России – рожь озимая, яровая, овес, ячмень, пшеница, горох, гречиха, просо, конопля. Из овощных культур на огородах выращивали капусту, морковь, репу, лук, чеснок, огурцы. Огороды разводили на всей территории Сибири. Как правило, их разводили позади усадеб и дворов (Шунков, 1956: 274, 284).

Во второй половине XVIII в. в Сибири предпринимаются первые опыты разведения картофеля на огородах. В 1812 г. вышел указ о повсеместном разведении в Сибири этой овощной культуры. По мнению правительства, картофель должен был заменить хлеб во время возможных его неурожаев и составить «здоровую и питательную пищу для населения» (Бочарникова и др., 1968: 366). Картофель сначала разводился на огородах в городах Сибири, а позже он стал распространяться по сельским местностям.

Под влиянием сельскохозяйственной деятельности русского населения в XVII – начале XVIII в. некоторые коренные этносы Сибири стали переходить на земледельческий уклад. Г. Ф. Миллер отмечал, что к земледелию в это время перешли и чулымские тюрки, которые для совершенствования новых навыков даже «ходатайствовали о том, чтобы в верховьях реки Чулым были основаны русские деревни» (Миллер, 2009: 210). На земледельческий уклад в это время стали переходить и томские татары, переходя от полукочевого образа жизни к посеву хлеба (пшеницы, ржи, овса) (Бояршинова, 1974: 130).

Среднеобские селькупы в XVII в. представляли собой культуру таежных охотников и рыбаков. Практически два столетия на территории Нарымского края русское земледелие и традиционная культура селькупов сосуществовали параллельно. Исследователями отмечалось неприязненное отношение мужчин-селькупов к такому хозяйственному занятию, как земледелие. Эта неприязнь сохранялась в их среде фактически до середины XX в.: все, произрастающее на огороде, они презрительно называли хырг – пустая трава, т. е. еда, непригодная для человека (не дающая ему сил), пригодная только для коров; зерно они называли «мышиный помет», картофельные клубни – канат няби, т. е. «собачьи яйца»; само копанье в земле считали занятием, недостойным мужчины (Полевые материалы Тучковой, 1992; Головнёв, Тучкова, 2011: 93).

Изменение отношения селькупов к данному виду деятельности следует рассматривать в тесной связи с историей развития русского земледелия и расширением размеров их возделываемых площадей. Если в 1630-е гг. лишь небольшой земледельческий район образовался около Нарыма, то уже в начале XVIII в. значительная часть служилых людей пахала пашни в принарымских окрестностях. Кроме того, на Парабели в это же время была заведена государева пашня (государево поле), вблизи которого к началу XVIII в. были расположены заимки служилых людей, некоторые из которых носили характер зажиточного хозяйства² (Шунков, 1956: 57).

Другим земледельческим пунктом, граничащим с территорией проживания среднеобских селькупов, были земли вблизи Кетского острога. В 1640–1641 гг. кетский воевода Василий Отяев под острогом на

² Описание одной из таких заимок см.: Шунков В. И. Очерки по истории земледелия в Сибири. М., 1956. С. 57–58.

возвышенности «кряж большой, а земля... добрая» присмотрел пашенное место, которое засеял рожью. Первые небольшие посеы ржи дали положительный результат, на основании чего воевода пришел к заключению о возможности широкой распашки данного места под посеы. Одновременно вопрос об отводе земель под пашню под Кетским острогом ставили и отдельные служилые люди (Шунков, 1956: 58, 263, 270–271). В 1677 г. в Кетске насчитывалось уже 17 пашенных крестьян, сеявших рожь и овес (Шунков, 1956: 58).

Ранние попытки приобщения к земледелию связаны с процессом христианизации самодийского населения Нарымского края. В XVIII в. несколько семей новокрещенных остяков были выселены на отведенное им новое место близ Нарыма с целью, чтобы они совсем отказались от своих промыслов и научились возделывать землю (считалось, что новообращенцы не должны есть «дичину» – мясо диких животных по идеологическим соображениям, а должны есть выращенный своими руками хлеб). Новое поселение назвали д. Новокрещенная. Первый опыт, вероятно, был неудачным. По сведениям на 1859 г., данная деревня уже числилась как казачья с 20 жителями (Список населенных мест..., 1868 : 27).

Тот факт, что в начале XIX в. земледелие в среде коренного населения нарымского Приобья не имело распространения, говорят, например, наблюдения финского исследователя А. Кастрена, посетившего данный регион в 1845–1846 гг. (в Нарыме он был в ноябре 1845 г., в Тогуре он провел Рождество, а в Молчаново на р. Обь он прибыл весной 1846 г.). Описывая культурный облик томских самоедов (т. е. среднеобских селькупов) в первой половине XIX в., он отмечал, что остяко-самоедам, проживающим по р. Обь и фактически полностью перенявшим быт русских крестьян, тем не менее «земледелие совершенно неизвестно...» (Кастрен, 1999. Т. 2: 131). Правда, он, судя по тексту его материалов, не дифференцировал земледелие на хлебопашество и огородничество, поэтому оценку Кастрена по поводу занятия селькупам земледелием можно воспринимать буквально: селькупы не сеяли зерновые и не высаживали огородные культуры.

Подобная ситуация сохранялась фактически до конца XIX в. Например, на Кети попытка приобщить к земледелию кетских селькупов была предпринята только в самом конце XIX в.: в с. Максимкин Яр местный священник о. Павел Покровский в 1891 г. «для пробы» посеял немного ячменя и гречихи. Первый опыт был неудачным: к августу гречиху побил мороз, а ячмень еще не вызрел. Отец Павел также впервые стал сеять на Кети огородные культуры (картофель и другие овощи) и приучать к этому живших в поселке русских и остяков, которым картофель и репа понравились на вкус. Кроме того, местные жители почувствовали, что эти продукты смогут заменить им привозимый хлеб (Сидонский, 1891: 63).

Первые достоверные сведения о наличии у селькупов огородов имеются у Б. Шостаковича. Он отмечал, что «у селькупов, живущих по р. Обь... благодаря тесному русскому соседству, можно встретить возделанный огород, в особенности выше Нарыма». Вверх по Оби, – отмечал Шостакович, – «обской инородец по своим занятиям близко подходит к русскому...» (Шостакович, 1882. Кн. IV: 8).

Исследователь, государственный чиновник и просто наблюдательный житель с. Нарым А. Ф. Плотников также подтверждал, что остяки (среднеобские селькупы) хлебопашеством не занимались вплоть до начала XX в. (Плотников, 2006: 72–80). Однако уже в первом десятилетии XX в. статистическая перепись населения Нарымского края 1910–1911 гг. зафиксировала сразу 19 селькупских хозяйств, практиковавших земледелие. Из них 9 хозяйств удобряли пашню, 18 обрабатывали пашню своими силами. Эти хозяйства выращивали 50,5 пуда (827,19 кг) озимой ржи; 23,5 пуда (384,93 кг) овса; 98 пудов (1605,24 кг) ячменя; 35,5 пуда (581,49 кг) яровой пшеницы. На долю этих хозяйств также приходилось 1 пуд (16,38 кг) полбы, 12 пудов (196,56 кг) ярицы, 6 пудов (98,28 кг) конопли, 51 пуд (835,38 кг) картофеля и 4 пуда (65,52 кг) гороха (Нарымский край..., 1927: 538).

Обращение селькупов к хлебопашеству как единичный случай отмечено на р. Кёнга после революции 1917 г. По воспоминаниям селькупки Н. С. Макшиной, один приезжий русский учил ее отца сеять хлеб. «Охота и рыбалка – дело ненадежное, – говорил он, – семью не прокормишь. Посеете горох, просо, ячмень, пшеницу, лен посеете. Так и начали пахать. Тогда же посадили впервые картошку. Земли много было. Себя обеспечивали» (Полевые материалы Тучковой, 1994: л. 9 об). Информантка подчеркивала, что в те годы ее отец был единственный из остяков, кто стал пахать землю и сеять зерновые и огородные культуры. На результатах первых урожаев сказывался недостаток опыта выращивания хлеба – его еще недозревшим собирали и ставили в снопы: «хлеб зеленый пожнем; он в снопах дойдет. Хоть не дошлый (не созревший), а есть все равно можно» (Полевые материалы Тучковой, 1994: л. 9 об). В п. Нельмач, куда позднее переехала семья Н.С. Макшиной, «хлеб... не стал рождаться», поэтому его перестали сеять. Зато продолжали сажать картофель (Полевые материалы Тучковой, 1994: л. 9 об).

В начале XX в. источники фиксируют у среднеобских селькупов наличие приусадебных огородов как достаточно распространенное явление. По данным на 1910–1911 гг., в земледельческо-промысловом и в промысловом районах по р. Обь с общей численностью селькупов 1555 человек, 92 хозяйства возделывали огороды. Выращивали капусту, огурцы, морковь, картофель. На картофель, например, приходилось около 250 пудов (4 095 кг) урожая (Нарымский край..., 1927: 376, 383). В районах промыслового и земледельческо-промыслового хозяйств по р. Кеть с численностью селькупов на 1910–1911 гг. 493 человека, 21 хозяйство держало огороды. Также выращивали капусту, огурцы, морковь, картофель. На картофель приходилось 110 пудов (1801,8 кг) урожая (Нарымский край..., 1927: 442, 449)³.

Особую, изолированную от процесса развития земледелия в Нарымском крае, местность составляла территория р. Тым. Никаких попыток организовать там земледелие до начала XX в. не предпринималось. По данным 1910–1911 гг., никаких признаков ведения сельскохозяйственных работ там не было (Нарымский край..., 1927: 449).

Таким образом, в начале XX в. из 695 хозяйств селькупов, отмеченных статистической переписью 1910–1911 гг., огороды имели около 180 хозяйств, примерно 23 % общего числа селькупских хозяйств (Нарымский край..., 1927: 383).

Надо сказать, что до начала 1920-х гг. процесс приобщения селькупов к агротехнике носил естественный, эволюционный характер. Земледелие для селькупов было внешней инновацией. Можно предположить, что первый опыт обращения селькупов к земледелию, прежде всего к огородничеству, представлял собой простой процесс копирования. Огородничество, как внешняя инновация, входила в селькупскую культуру постепенно, по мере необходимости. В начале XX в. (в первые два десятилетия) его практиковали только те, кто желал попробовать; кто-то, попробовав, легко отказывался от этого занятия. И лишь в небольшом количестве семей этот вид хозяйственной деятельности закрепился.

В 1920-е гг. ситуация заметно изменилась. Представительные структуры Советской власти, отвечающие за судьбы коренного населения Нарымского края, усматривали в развитии земледелия, равно как животноводства и птицеводства среди инородцев, устойчивый, в отличие от охоты и рыболовства, тип хозяйства, способный вывести население из «первобытного», как они считали, состояния на более высокий уровень развития. Переход инородцев, в частности селькупов, на более прогрессивный в культурном плане и устойчивый тип ведения хозяйства – земледелие – должен был, по убеждению чиновников, вывести коренное население Нарымского края из стадии «вымирания» на путь благосостояния (Вехи патернализма..., 2006: 167–168). «Особенно же бережно нужно относиться к туземному земледелию, – отмечал завгубоно Вайно, – так как едва начинающиеся опыты в этом отношении означают проблески его сознания, необходимости его перехода к более устойчивому, культурному типу хозяйства и попытки спасти себя от гибели...» (Вехи патернализма..., 2006: 167–168).

Власти приветствовали и поощряли любую попытку селькупов приобщиться к хлебопашеству. Один из таких примеров отмечен в 1924 г. в ю. Саиспаевых на р. Парабель. Там местные селькупы решили попробовать свои силы в новом для них занятии – обработке земли под пашню, для чего им были выданы плуги (Вехи патернализма..., 2006: 200). По воспоминаниям жителей этих юрт, там стали выращивать коноплю и лен. Однако занятие земледелием в ю. Саиспаевых было недолгим. В 1932 г. практически все жители этих юрт переехали на жительство в другие места (в основном на Тым), где продолжили заниматься охотой и рыболовством (Полевые материалы Тучковой, 1992).

Основные надежды в поднятии культурного уровня селькупов через развитие сельского хозяйства органы власти возлагали главным образом на развитие огородничества. Особенно остро стоял вопрос о развитии огородных культур в таежной местности, как, например, на Кети, где хлебопашество, как считали чиновники, еще «не скоро привьется» (Вехи патернализма..., 2006: 159,161), а урожаи овощных культур резко сократились там по сравнению с 1910 г. В конце 1920-х гг., по сведениям Е. Н. Орловой, на р. Кеть картофель по своему значению занимал второе место: селькупы высевали его до 61 кг, а собирали до 260 кг (Орлова, 1928: 27).

Значимой огородной культурой у селькупов Кети был табак. Отводили ли селькупы под табак отдельные площади, Е. Н. Орлова не отмечает. Однако есть фиксация того, что кетские селькупы выращивали табак в лодках и в берестяных емкостях (см. ил.-рис. А. Г. Варгина) и перевозили их при необходимости перемещения в пространстве во время своих основных промыслов – охоты и рыболовства. Также они выращивали морковь, репу, горох, огурцы. Достаточно неплохо, по оценке Е. Н. Орловой, в местных условиях созревали капуста, свекла и брюква. В качестве местной особенности являлось то, что сельку-

³ Сведения о видах выращиваемых овощей могут быть не полны.

пы данные виды овощей не заготавливали впрок, а в основном выращивали их для своих детей. Все, что вырастало, поедалось «с грядки», писала Орлова (Орлова, 1927: 27). Из распространенных овощных культур селькупы Кети практически не сеяли лук, в основном, по замечанию Е. Н. Орловой, из-за недостатка семян (Орлова, 1928: 27).

В 1930-е гг. на Кети заметна положительная динамика использования посевных площадей под огородные культуры. В 1933 г. там под огороды было отведено 5,40 га земли, в 1934 г. – 10,25 га, в 1935 г. уже 27,81 га (Вехи патернализма..., 2006: 369). В 1935 г. селькупы р. Кеть по посевным площадям обогнали обских селькупов Иванкинского туземного сельсовета, которые отвели под огороды 27,17 га земли (Вехи патернализма..., 2006: 369).

Одними из центров развития огородничества в Нарымском крае власти видели создаваемые на местах компактного проживания селькупов школы-коммуны и школы-интернаты. Так, на Кети планировалось создать «образцовую» школу-коммуна «с полным хозяйством и мастерскими, которая могла бы, с одной стороны, служить показательным хозяйством для района, а с другой – обеспечить район культивируемыми на месте огородными семенами и снабдить его, со временем, акклиматизированным породистым скотом и птицей» (Вехи патернализма..., 2006: 162). Как одну из основных задач в поднятии культурного уровня населения Нарымского края через приобщение его к огородничеству выдвигала в 1920-е гг. и школа-интернат Верте-Кос (Информационные отчеты..., 1929: л. 40).

В 1924 г. отмечены первые посадки картофеля в селькупском пос. Тюхтерево в 14 км от с. Нарым, их зафиксировал сотрудник Томского краевого музея М. Б. Шатилов. Маленький огород с картофелем принадлежал «совершенно обрусевшему», как писал Шатилов, жителю поселка Колотовкину. Исследователь обратил внимание на позднее (12–15 августа) цветение картофеля (Шатилов, 2011: 78).

К началу 1930-х гг. значительное развитие огородничества фиксируется на Оби в Иванкинском туземном сельсовете. В 1933 г. там под посевы отводили 9,20 га, а в 1934 г. – 20,2 га земли (Вехи патернализма..., 2006: 369). В этот же период огородничество стало распространяться и в Привасюганье – в Каргасокском районе на территории Нюрольского туземного сельсовета в 1933 г. было посеяно 9,2 га овощей (Вехи патернализма..., 2006: 297).

Вне зоны земледелия в конце 1920-х гг. по-прежнему находилась территория по р. Тым. Только на заимке у русского старожила Бедерева высевались картофель, свекла, морковь, репа, брюква, редька, лук, огурцы, тыква, даже помидоры, которые окончательно созревали на окне. Выращенные овощи и картофель Бедерев продавал местным жителям (Орлова, 1928: 45).

Политика властей по внедрению огородных культур в систему жизнедеятельности селькупов р. Тым начинается с 1930 г. Проводилась широкая разъяснительная работа среди коренного населения Тыма (к ним приезжали агитаторы) о необходимости выращивания овощей как дополнительного (или основного) источника питания, а также источника витаминов (о которых местные жители даже и не слышали), особенно необходимых в зимнее время. Основной упор делался на выращивание картофеля, который мог бы заменить собой вероятную нехватку мяса и рыбы (Протоколы общих собраний..., 1931–1932: л. 5). Началом огородничества на Тyme можно считать 1931 г., когда собрание Напасского туземного совета постановило отвести под огороды 8,5 га земли (Протоколы общих собраний..., 1931–1932: л. 4).

Первые огороды в некоторых хозяйствах Тыма появились в 1932 г. В это же время от населения стали поступать заявки на доставку в район семян различных огородных культур. Так, жители ю. Каджи на июнь 1932 г. заказали 5 ц семенного картофеля, 20 г семян репы, по 400 г семян моркови, лука, лука-батюна, чеснока. Заявку на 5 ц семян картофеля сделали жители ю. Кананак Пычкины и Пыршины (Протоколы общих собраний..., 1931–1932: л. 37, 40). Семена картофеля 10 ц заказали также жители ю. Парабель на Тyme, 2 ц из которых лично заказал Саиспаев. Вместе с тем жители ю. Каджи «воздержались от заявок на семена, так как считали, что пока разведение огородов для них „не под силу“» (Протоколы общих собраний..., 1931–1932: л. 40 об, 42). В 1932 г. планы по развитию огородов распространялись и на школы района. Под школьные огороды предполагалось отвести 0,5 га земли и посадить от 500 до 1 000 кг картофеля (Документы об образовании..., 1932: л. 1–2 об.).

В качестве эксперимента осенью 1932 г. учителя и ученики Напасской школы посеяли озимые рожь и пшеницу. Пшеница благополучно вымерзла, а рожь собрали в сентябре 1933 г. Весной 1933 г. были посеяны овес, гречиха, турнепс, горох, капуста, лен. Результаты этого эксперимента не оправдали ожидания: овес после всхода был засыпан снегом и дал только свои семена, гречиха дала пустое зерно, турнепс съели личинки, капусту – бабочки, лен вырос, но семена не вызрели. Только горох дал небольшой урожай – из 1,5 кг посеянных семян было получено 5,7 кг гороха (Марков, 1996: 126).

Надо сказать, что первые опыты выращивания огородных культур вызывали недоверие у жителей Тыма, особенно у женщин. Однако после ряда положительных результатов, когда на огородах выросли и

морковь, и картофель, и редька, и даже огурцы, женщины с большим интересом стали обращаться к этому нововведению (Постановления пленума райисполкома..., 1933: л. 2).

Актуальность темы развития огородов на р. Тым обострилась в 1933 г., когда в некоторых юртах отмечались случаи голода из-за отсутствия продуктов питания (в том числе и продуктов промысла). Особенно пострадали многодетные семьи и пожилые селькупы, не имевшие возможности из-за старости или болезней выходить на промыслы (Вехи патернализма..., 2006: 322).

В 1930-е гг. на р. Тым у коренных жителей наметился поворот от традиционной промысловой культуры к оседлости. На собраниях селькупов нередко стали звучать призывы к переходу от «кочевой» жизни к жизни оседлой: необходимо «заведение подсобных хозяйств и перестать кочевать; жить на одном месте, – это будет лучше» (Постановления пленума райисполкома..., 1933: л. 18. Из выступления Тагаевой).

В 1933 г. для Тымского национального района уже потребовалось следующее количество семян для посева: репы – 1 кг 100 г, моркови – 800 г, капусты – 1 кг 300 г, брюквы – 100 г, редьки – 1 кг, огурцов – 1 кг 800 г (Статистические отчеты..., 1933: л. 79).

Интерес к огородничеству был стимулирован начавшейся в 1934 г. на Тyme компанией по дальнейшему развитию огородничества среди населения. В марте был утвержден план весенней огородной посевной компании. Был выдвинут лозунг: «Ни одного колхоза, школы, больницы, ни одного единоличного хозяйства... без огорода». Площади под огороды увеличивались за счет раскорчевки новых участков земли (Марков, 1996: 127).

Особый период в развитии посевных площадей и разведении огородных культур на р. Тым приходится на период Великой Отечественной войны. Надо сказать, что к периоду ВОВ селькупы р. Тым, за небольшим исключением, уже отводили и обрабатывали под огородные культуры достаточно большие для селькупов земельные участки. В ю. Каджи у Ивана и Увара Кулевых под картофель и овощи было отведено около 1 га земли, при этом 0,076 га только под картофель; в ю. Нюлядрово братья Пыршины имели под огороды 1,21 га земли, на 1,07 га из которых выращивали картофель. В этих же юртах 0,087 га под огороды имел С. Т. Каялов и 0,056 га Н. Саргин. Общая площадь посевов в ю. Нюлядрово составляла более 1,35 га. Наибольшую земельную площадь под огородные культуры и картофель среди селькупов р. Тым имели жители ю. Ванжиль-Кинак П. С. Канаев – 1,42 га, из которых 1,22 га отводилось под картофель, и Р. В. Чужин – более 1 га земли, в основном под картофель. В 1941 г. общая посевная площадь частных селькупских хозяйств составляла более 13 га (подсчеты автора), большая часть из которых – 10,7 га, приходилась на картофель (Заключительные отчеты..., 1941: лл. 2–4, 7–8 об., 10–15, 18–19).

В это время уже необходимо было не столько обеспечивать себя овощами и картофелем, а производить их в больших объемах для фронта. Для увеличения посевных площадей картофеля и, следовательно, увеличения урожайности 24 декабря 1941 г. было принято специальное решение исполкома Тымского районного совета народных депутатов об использовании дополнительных источников обеспечения семенным картофелем путем срезания верхушек клубней продовольственного картофеля (предложение академика Лысенко). Было решено заготовить таким образом 3 т верхушек клубней. Все население Тыма обязали участвовать в этой важной для экономики страны акции. Контроль за исполнением данного решения был возложен на члена исполкома Иженбина. План по колхозам предписывал собрать 1 т верхушек картофеля, а по подсобным хозяйствам – 2 т (Протоколы заседаний..., 1941: лл. 42–44).

По плану на 1942 г., например, только по подсобным хозяйствам (к подсобным хозяйствам по Тыму относились огороды школы-интерната, райпо, больницы, артели «Искра») Тымского национального района требовалось собрать 1152 ц овощей и 1620 ц картофеля. Посеять весной – 9,5 га овощей; 16,3 га картофеля; 2,2 га овса; 9 га кормовых культур. Для этих целей предусматривалось выделение подсобным хозяйствам дополнительно 30,15 га леса для раскорчевки (Постановления Тымского райисполкома, 1942: л. 37). В это же время для колхозов планом предусматривалось посеять 2 га льна, 1385 га картофеля, 5,4 га овощей, из которых под капусту отвести 2 га, под лук 0,80 га, свеклу и морковь – 2,6 га. Планировалось вырастить помидоров 65 кг, огурцов 600 кг. Кроме того, необходимо было заложить на этот год 600 шт. парниковых рам и вывезти на поля удобрений – 1200 возов навоза и 144 ц золы (Постановления Тымского райисполкома, 1942: лл. 42, 43). Общая площадь посевных культур в 1942 г. составляла 69,5 га. Часть овощей выращивалась в парниках. В этом же году кроме традиционных овощей селькупы посеяли озимой ржи 10 га, овса – 4,75 га, льна – 2 га. В колхозах «им. Молотова» и «им. Смидовича» были созданы семенные участки для культивирования овощей (Марков, 1999: 127).

Подводя итоги, важно отметить, что за кратчайшие сроки – фактически за одно десятилетие – тымские селькупы прошли путь от полного незнания основ агротехники к состоянию, когда они смогли

обеспечивать себя полностью картофелем и овощами. Селькупы других районов Приобья прошли этот путь за три-четыре десятилетия, начав практиковать огородничество в начале XX в. или в последнее десятилетие XIX в.

Обращает на себя внимание большая скорость процесса приобщения селькупов к огородничеству, фактически в течение жизни двух поколений. В начале этого процесса со стороны селькупов шло простое копирование приемов и методов обработки земли и посадки овощей с дальнейшим уходом за ними, впоследствии – приобретение своего личного опыта работы при работе с землей. Здесь прежде всего заслуга женщин-селькупок, которые становились пионерами-проводниками нового для целого этноса хозяйственного занятия. Именно с них началась переориентация промыслового таежного быта на быт земледельца. Со временем произошла смена культурной парадигмы. Произошел культурный поворот этноса от присваивающего типа хозяйства, основанного на охоте и рыболовстве, в сторону производящей экономики. В настоящий исторический период огороды имеет фактически каждая семья, а доля времени, отводимая в селькупской семье на работу в огородах (приусадебных участках), превышает долю времени, отводимого ими на охоту или рыбалку. Огородничество, таким образом, уже является для среднеобских селькупов традиционным занятием и занимает существенную сферу их жизни. При этом хлебопашество (выращивание зерновых культур) так и не вошло в их культуру, что вполне объяснимо из-за природно-климатических условий региона.

Список литературы

- Бочарникова В. И., Жидков Г. П., Кудрявцев Ф. А., Сафронов Ф. Г. Сельское хозяйство и промыслы. Крестьянство // История Сибири. Л., 1968. Т. 2. С. 364–385.
- Бояршинова З. Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Тр. Томского гос. ун-та. Томск, 1950. Т. 112. С. 23–210.
- Бояршинова З. Я. Заселение и освоение русскими территории Томской области в XVII–XVIII веках // Родной край. Очерки природы, истории, хозяйства и культуры Томской области. Томск, 1974.
- Вехи патернализма. Судьбы коренных малочисленных народов томского Севера в системе Российской государственности (нач. XIX в. – 30-е гг. XX в.). Томск, 2006.
- Постановления пленума райисполкома, протоколы общего районного собрания, партиячейки; отметки о работе экспедиции «Красный чум»; сведения о колхозах по району 02.03.33 – 01.09.33 // ГАТО. Ф.Р. – 991. Оп. 1. Д. 22.
- Постановления Тымского райисполкома 1942 года // ГАТО. Ф.Р. – 991. Оп. 1. Д. 160.
- Протоколы общих собраний жителей юрт т/совета (дек. 1931 г., январь, май, июнь, 1932 г.) // ГАТО. Ф.Р. – 747. Оп. 1. Д. 98.
- Информационные отчеты райинспекторов Соцвосо о работе школ за 1929–1930 учебный год. Отчет школы-интерната «Верте-Кос» за 1928–1929 уч. год // ГАТО. Ф.Р.–214. Оп. 1. Д. 53.
- Документы об образовании при с/с секции связи, проведении ремонта зданий школы и общежития 1932 г. О работе в школах района // ГАТО. Ф.Р.–747. Оп. 1. Д. 130.
- Статистические отчеты о работе с/с и райисполкомов. Сведения по учету населения и населенных пунктов Тым. района. 1.01.33 – 1.08.33 // ГАТО. Ф.Р. – 991. Д. 29.
- Протоколы заседаний президиума Тымского райисполкома. Октябрь–декабрь 1941 года // ГАТО. Ф.Р. – 991. Оп. 1. Д. 155.
- Заключительные отчеты об итогах посевных площадей 28.06.41– 14.07.41 // ГАТО. Ф.Р. – 991. Оп. 1. Д. 159.
- Головнёв А. В., Тучкова Н. А. Хозяйство // Селькупы. Очерки традиционной культуры и селькупского языка / Н. А. Тучкова, С. В. Глушков, Е. Ю. Кошелева, А. В. Головнёв и др. Томск, 2011. С. 64–94.
- Кастрен М. А. Путешествие в Сибирь (1845–1849). Тюмень, 1999.
- Марков В. И. Из истории Тымского туземного района (1932–1949) // Вопросы экономической истории России XVIII–XX вв. Томск, 1996. С. 116–135.
- Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов. М., 2009.
- Нарымский край: Материалы статистико-экономического исследования 1910–1911 гг., собранные и разработанные под руководством и редакцией В. Я. Нагнибеды. Томск, 1927.
- Орлова Е. Н. Население по рекам Кети и Тыму, его состав, хозяйство и быт. Красноярск, 1928.
- Пелих Г. И. Досамодийский тип жилища нарымских селькупов // Вопросы археологии и этнографии Западной Сибири. Томск, 1966. С. 94–107.
- Плотников А. Сведения об инородцах Нарымского края, собранные земским заседателем 5-го участка Томского округа для окружного исправника 5 декабря 1897 года // Вехи патернализма. Судьбы коренных малочисленных народов томского Севера в системе Российской государственности (нач. XIX в. – 30-е гг. XX в.). Томск, 2006. С. 72–80.

Полевые материалы Н. А. Тучковой, 1992, 1994.

Сидонский Александр (священник). Из описания поездки преосвященнейшего Макария, епископа Томского и Семипалатинского, в Нарымский край для обозрения церквей и посещения инородцев, живущих по р. Кети до Обь-Енисейского канала в июле-августе 1891 г., о пребывании в селе Кетном // Вехи патернализма. Судьбы коренных малочисленных народов томского Севера в системе Российской государственности (нач. XIX в. – 30-е гг. XX в.). Томск, 2006. С. 62–65.

Спафарий Н. Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году (фрагмент) // Земля Верхнекетская. Томск, 1997. С. 239–256.

Список населенных мест Российской империи. Список населенных мест по сведениям 1859 года / обраб. В. Зверинским. Томская губерния. СПб., 1868. Т. 60.

Тучков А. Г. Инновации 1920–30-х гг. в хозяйственной жизни селькупов и их последствия для традиционной культуры // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2010. Вып. 9 (99). С. 138–44.

Тучков А. Г. Традиционное рыболовство среднеобских селькупов в период радикальных экономических изменений 1920–30-х годов // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2012. Вып. 1 (116). С. 130–135.

Тучков А. Г. Факторы формирования языковой ситуации у южных (нарымских) селькупов в 1920–30-е годы // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2007. Вып. 3 (66). С. 161–168.

Шатилов М. Б. Остяко-самоеды и тунгусы принарымского района (Путевые заметки) // Этюды Севера. Томск, 2011. С. 72–119.

Шостакович Б. Промыслы Нарымского края // Записки ЗСО РГО. Омск, 1882.

Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М., 1956.

Тучков А. Г., кандидат исторических наук, доцент кафедры.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: agtuchkov@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 29.09.2014.

Tuchkov A. G.

«IN THE OLD DAYS THERE WERE NO GARDENS AT ALL, AND NOW EVEN TWO GARDENS AIN'T ENOUGH...» (TOWARDS INTEGRATION OF AGRICULTURE IN THE HUNTING-FISHING CULTURE OF MIDDLE-OB SELKUPS)

The paper explores the agricultural practices of middle-Ob (Narym) Selkups. The agricultural practices in question imply the cultivation of soil for cereals and garden cultures. The discussion reviews possible sources of agricultural tradition in local Samoyedic population, estimated length of adaptation of agricultural skills, and the initial results of cultivation of cereal and garden cultures. In the process of the study, it was identified that until the XVII cent. the middle-Ob Selkups did not practice agriculture. The original culture demonstrated the typical forest hunter-fisher culture. The initial introduction of agricultural technology can be dated to the initial settlement of Russian population in the Narym area in the XVII century.

The analysis produced a set of conclusions: regardless of isolated attempts, cereal cultivation failed to integrate into the Selkup culture for a variety of reasons; garden cultivation, as another external innovation, managed to integrate solidly, occasionally at the expense of the dominant traditional hunter-fisher economy. Synchronically, garden cultivation can be considered a stable component of the traditional Selkup economy.

Key words: *Selkups, agriculture in Siberia, innovation, cereal cultivation, garden cultivation, traditional food production.*

References

Bocharnikova V. I., Zhidkov G. P., Kudryavtsev F. A., Safronov F. G. Sel'skoe hozyaystvo i promysly. Krest'yanstvo [Selkup economy and food production]. In: *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Leningrad, 1968. Vol. 2. Pp. 364–385 (in Russian).

Boyarshinova Z. Ya. Naselenie Tomskogo uezda v pervoy polovine XVII v. [Population of Tomsk region in the first half of XVII cent.]. In: *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Tomsk State University]. Tomsk, 1950. Vol. 112. Pp. 23–210 (in Russian).

Boyarshinova Z. Ya. Zaselenie i osvoenie russkimi territorii Tomskoy oblasti v XVII–XVIII vv. [Exploration and settlement of Tomsk region by Russians in XVII–XVIII cent.]. In: *Rodnoy kray. Ocherki prirody, istorii, hozyaystva i kul'tury Tomskoy oblasti* [Native Land. Survey of nature, history, economy and culture of Tomsk region]. Tomsk, 1974 (in Russian).

Vekhi paternalizma. Sud'by korenykh malochislennykh narodov tomnskogo Severa v sisteme Rossiyskoy gosudarstvennosti (nach. XIX v. – 30-e gg. XX v.) [Epochs of Paternalism. Fates of native minorities of the Tomsk North in Russian State (early XIX cent. – 1930-s)]. Tomsk, 2006 (in Russian).

Postanovleniya plenuma rayispolkoma, protokoly obshhego rayonnogo sobraniya, partyacheyki; otmetki o rabote e'kspeditsii «Krasny chum»; svedeniya o kolhozah po rayonu 02.03.33 – 01.09.33 [Decisions of the regional executive committees, minutes of the general regional assembly of the party office: notes on the expedition “Krasny Chum” – information on collective farms in the region 02.03.33 – 01.09.33]. *GATO. F.R.* – 991. Op. 1. D. 22 (in Russian).

Postanovleniya Tymskogo rayispolkoma 1942 g. [Decisions of Tomsk regional executive committee 1942]. *GATO. F.R.* – 991. Op.1. D.160 (in Russian).

Protokoly obshchih sobranij zhitel'ey yurt t/soveta dek. 1931g., yanvar', may, iun', 1932 g. [Minutes of general assembly Dec. 1931, Jan, May, Jun. 1932]. *GATO. F.R.* – 747. Op. 1. D. 98 (in Russian).

Informatsionnye otchety rayinspektorov Socvosa o rabote shkoly za 1929–1930 uchebnyy god. Otchet shkoly–internata «Verte-Kos» za 1928–1929 uch. god [Information reports of regional inspectors on schools 1929–1930 academic year. Reports of the boarding school “Verte-Kos” 1928–1929 academic year]. *GATO. F.R.* – 214. Op. 1. D. 53 (in Russian).

Dokumenty ob obrazovanii pri s/s sektsii svyazi, provedenii remonta zdaniy shkoly i obshchezhitia 1932 g. O rabote v shkolah rayona [Documentation on education for the regional government – maintenance works on schools and dormitories 1932. On the schools of the region]. *GATO. F.R.* – 747. Op. 1. D. 130 (in Russian).

Statisticheskie otchety o rabote s/s i rayispolkomov. Svedeniya po uchetu naseleniya i naselennykh punktov Tym. rayona. 1.01.33–1.08.33 [Statistical reports on the activities of local executive committees. Population statistics for Tym region]. *GATO. F.R.* – 991. D. 29 (in Russian).

Protokoly zasedaniy prezidiuma Tymskogo rayispolkoma. Oktyabr'–dekabr' 1941 g. [Minutes of the meetings of presidium of Tym executive committee. Oct–Dec. 1941]. *GATO. F.R.* – 991. Op. 1. D. 155 (in Russian).

Zaklyuchitel'nye otchety ob itogah posevnykh ploshchadey 28.06.41–14.07.41 [Summary reports on planting acreage for 28.06.41–14.07.41]. *GATO. F.R.* – 991. Op. 1. D. 159 (in Russian).

Golovnyov A. V., Tuchkova N. A. Khozyaystvo [Traditional Economy]. In: *Sel'kupy. Ocherki tradicionnoy kul'tury i sel'kupskogo yazyka* [Selkups. Surveys of traditional culture and language]. Edited: N. A. Tuchkova, S. V. Glushkov, E. Yu. Kosheleva, A. V. Golovnyov i dr. Tomsk, 2011. Pp. 64–94 (in Russian).

Kastren M. A. *Puteshestvie v Sibir' (1845–1849)* [Travels to Siberia]. Tyumen', 1999 (in Russian).

Markov V. I. Iz istorii Tymskogo tuzemnogo rayona (1932–1949) [From the history of Tym aboriginal region (1932–1949)]. In: *Voprosy e'konomicheskoy istorii Rossii XVIII–XX vv.* [Issues in the economic history of Russia XVIII–XX cent.]. Tomsk, 1996. Pp. 116–135 (in Russian).

Miller G. F. *Opisanie sibirskikh narodov* [Descriptions of Siberian peoples]. Moscow, 2009 (in Russian).

Narymskiy kray: Materialy statistiko-e'konomicheskogo issledovaniya 1910–1911 gg., sobrannyye i razrabotannyye pod rukovodstvom i redaktsiei V. Ya. Nagnibedy [Narym area: Proceedings of the statistical-economic studies 1910–1911, collected and processed under the supervision of V. Ya. Nagnibeda]. Tomsk, 1927 (in Russian).

Orlova E. N. *Naselenie po rekam Keti i Tymu, ego sostav, hozyaystvo i byt* [Population of the rivers Ket and Tym, constitution, economy and households]. Krasnoyarsk, 1928 (in Russian).

Pelikh G. I. Dosamodiyskiy tip zhilishcha narymskiykh sel'kupov [Pre-Samoyedic dwelling types of Narym Selkups]. In: *Voprosy arkheologii i etnografii Zapadnoy Sibiri* [Issues in archeology and ethnography of Western Siberia]. Tomsk, 1966. Pp. 94–107 (in Russian).

Plotnikov A. Svedeniya ob inorodtsakh Narymskogo kraya, sobrannyye zemskim zasedatelem 5-go uchastka Tomskogo okruga dlya okruzhnogo ispravnika 5 dekabrya 1897 g. [Notes on aboriginal population of Narym area collected by the local administrator of the 5th district of Tomsk region for the regional supervisor Dec. 5, 1897]. In: *Vekhi paternalizma. Sud'by korenykh malochislennykh narodov tomnskogo Severa v sisteme Rossiyskoy gosudarstvennosti (nach. XIX v. – 30-e gg. XX v.)* [Epochs of Paternalism. Fates of native minorities of the Tomsk North in Russian State. (early XIX cent. – 1930-s)]. Tomsk, 2006. Pp. 72–80 (in Russian).

Polevye materialy N. A. Tuchkovoy [Field Notes of Tuchkova N. A.] 1992, 1994 (in Russian).

Sidonskiy Aleksandr (svyashchennik). Iz opisaniya poezdki preosvyashcheyneyshego Makariya, episkopa Tomskogo i Semipalatinskogo, v Narymskiy kray dlya obozreniya tserkvey i poseshcheniya inorodtsev, zhivushchih po r. Keti do Ob'-Eniseyskogo kanala v iule-avguste 1891 g., o prebyvanii v sele Ketnom [Sidonskiy Aleksandr (priest). From the descriptions of the travel of the Archbishop of Tomsk and Semipalatinsk to the Narym area for observation of churches and visitation of aboriginal people along the rivers Ket up to the Ob-Yenissei channel, Jul–Aug 1891, on stationing in the village of Ketnoe. In: *Vekhi paternalizma. Sud'by korenykh malochislennykh narodov tomnskogo Severa v sisteme Rossiyskoy gosudarstvennosti (nach. XIX v. – 30-e gg. XX v.)* [Epochs of Paternalism. Fates of native minorities of the Tomsk North in Russian State (early XIX cent. – 1930-s)]. Tomsk, 2006. Pp. 62–65 (in Russian).

Spafariy N. G. Puteshestvie cherez Sibir' ot Tobol'ska do Nerchinska i granits Kitaya russkogo poslannika Nikolaya Spafariya v 1675 godu (fragment). *Zemlya Verkhneketskaya*. [Travels by the Russian Envoy Nikolay Spafariya in 1675 across Siberia from Tobolsk to Nerchinsk and up to the Chinese border]. Tomsk, 1997. Pp. 239–256 (in Russian).

Spisok naselyonnykh mest Rossiyskoy imperii. Spisok naselyonnykh mest po svedeniyam 1859 g. Obrabotan V. Zverinskim [List of settlements of the Russian Empire. List of settlements for 1859. Edited by V. Zverinskiy]. Tomskaya guberniya. SPb., 1868. Vol. 60 (in Russian).

Tuchkov A. G. Innovatsii 1920–30-x gg. v hozyaystvennoy zhizni sel'kupov i ih posledstviya dlya traditsionnoy kul'tury [Innovations in 1920–30 in Selkup economy and their consequences for traditional culture]. *TSPU Bulletin*, 2010, no. 9 (99), pp. 138–44 (in Russian).

Tuchkov A. G. Traditsionnoe rybolovstvo sredneobskikh sel'kupov v period radikal'nykh e'konomicheskikh izmeneniy 1920–30-x godov [Traditional fishing in middle-Ob Selkups during radical economic change 1920–30]. *TSPU Bulletin*, 2012, no. 1 (116), pp. 130–135 (in Russian).

Tuchkov A. G. Faktory formirovaniya yazykovoy situatsii u yuzhnykh (narymskikh) sel'kupov v 1920–30-e gody [Factors in the formation of language situation in southern (Narym) Selkups in 1920–30]. *TSPU Bulletin*, 2007, no. 3 (66), pp. 161–168 (in Russian).

Shatilov M. B. *Ostyako-samoedy i tungusy prinarymskogo rayona (Putevye zametki)* [Ostyak-Samoyeds and Tungus people of trans-Narym area (Travelling notes)]. E'tyudy Severa. Tomsk, 2011. Pp. 72–119 (in Russian).

Shostakovich B. Promysly Narymskogo kraya [Food production in Narym area]. In: *Zapiski ZSO RGO* [Notes of ZSO RGO]. Omsk, 1882 (in Russian).

Shunkov V. I. *Ocherki po istorii zemledeliya Sibiri (XVII vek)*. [Surveys of agriculture in Siberia – XVII cent.]. Moscow, 1956 (in Russian).

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: agtuchkov@rambler.ru